

RU

Деривационный потенциал суффикса -ак в современном русском языке

Шаповаленко Е. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление функционально-семантических особенностей, реализуемых формантом -ак (-як) в производных существительных, возникающих в русском языке новейшего периода. В статье в обширной синхронно-диахронной перспективе описываются функции суффикса, выполняемые им в различные исторические эпохи, и характеризуется продуктивность типовых словообразовательных моделей. Научная новизна исследования состоит в том, что рассматриваемый автохтонный суффикс впервые получает описание своей деривационной активности в отечественном языкознании на фоне преобладания в современной лингвистике работ, посвященных преимущественно заимствованным из английского языка формантам. В результате исследования установлено, что вектор словообразовательного развития суффиксальной морфемы сместился от первоначальной номинативной функции в направлении прагматизации значения. На материале репрезентативного языкового материала продемонстрировано, что в русском языке новейшего периода формант -ак переходит в сферу коллоквиального словообразования, в том числе окказионального, выполняя роль маркера стилистического снижения или пейорации. К числу основных моделей отнесены: образование разговорных эквивалентов от стилистически нейтральных существительных; образование разговорных универбов от адъективно-субстантивных и адverbially-субстантивных сочетаний; функционирование неодериватов с формантом -ак в составе разговорных фразеологизмов и интеръективов; участие суффикса в процессе адаптации заимствованных лексических единиц к морфологической системе русского языка. Выявлено, что во всех новейших дериватах формант выполняет функцию коллоквиально-и оценочно-интенсивного маркера исключительно негативной аксиологической направленности.

EN

Derivational potential of the suffix -ак in the modern Russian language

E. V. Shapovalenko

Abstract. The research aims to identify and describe the functional-semantic features implemented by the formant -ак (-як) in derivative nouns emerging in the most recent period of the Russian language. Within a broad synchronic-diachronic perspective, the article describes the functions performed by the suffix across various historical epochs and characterizes the productivity of typical word-formation models. The scientific novelty of the study lies in the fact that this autochthonous suffix is being described in terms of its derivational activity for the first time in Russian linguistics, particularly against the backdrop of current linguistic research that focuses predominantly on formants borrowed from English. The study established that the vector of the suffixal morpheme's word-formation development has shifted from its original nominative function toward the pragmatization of meaning. Using representative linguistic material, it is demonstrated that in contemporary Russian, the formant -ак has moved into the sphere of colloquial word formation, including occasionalisms, acting as a marker of stylistic lowering or pejoration. The primary models identified include: the formation of colloquial equivalents from stylistically neutral nouns; the creation of colloquial univerbs from adjectival-substantive and adverbial-substantive phrases; the functioning of neoderivatives with the formant -ак within colloquial phraseological units and interjectives; and the suffix's role in adapting borrowed lexical units to the Russian morphological system. It was revealed that in all recent derivatives, the formant functions as a colloquial and evaluative-intensive marker with an exclusively negative axiological orientation.

Введение

Современные дериватологические исследования направлены на изучение активных изменений в словообразовательной системе, вызванных прежде всего процессами глобализации и интернационализации (Коряковцева, 2012, с. 191). Значительная часть работ отечественных лингвистов посвящена анализу заимствованных

из американского варианта английского языка формантов и словообразовательных техник, получивших широкое распространение в современном русском языке в последние десятилетия. При этом часто без исследовательского внимания остаются исконные русские или славянские форманты, функционирующие с древнейших времен и не утратившие своей активности и в настоящее время. На протяжении истории могут, однако, изменяться семантико-прагматический функционал аффиксов, типы словообразовательных моделей и их продуктивность.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения деривационной активности исконного аффиксального форманта *-ак/-як* на фоне преобладания в научных исследованиях работ, посвященных вопросам адаптации на русской языковой почве англоязычных морфем и свойственных английскому языку словообразовательных моделей.

В рамках достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить этимологические данные и описать генезис форманта *-ак/-як*;
- собрать репрезентативный языковой материал (производные с суффиксом *-ак/-як*) в синхронно-диахронной перспективе;
- охарактеризовать современный этап функционирования форманта *-ак/-як* в сопоставлении с предыдущими этапами развития русского языка;
- определить основной вектор функциональных преобразований форманта с точки зрения выполняемых им семантических и прагматических функций, а также типовых словообразовательных моделей.

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: этимологический метод анализа, применявшийся для изучения генезиса форманта *-ак/-як* на основе данных о его происхождении и эволюции в праславянском и русском языках; словообразовательный метод анализа, используемый для описания типовых деривационных моделей, в рамках которых функционирует описываемый формант; ономастический метод, применявшийся для анализа номинативной функции суффикса в различных исторических периодах и его роли в номинации предметов, лиц и явлений; функционально-семантический метод, позволивший охарактеризовать семантико-прагматический функционал аффикса в новейших дериватах, а также определить вектор преобразований в сопоставлении с предыдущими этапами развития русского языка.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных ученых в области теоретического словообразования (Земская, 2011; Рацибурская, Петрова, 2004; Коряковцева, 2012), диахронных изменений в области суффиксации (Килина, Соколова, 2022; Николина, Петрова, 2025; Вализода, 2025), а также работы отечественных и зарубежных славистов в области исторического словообразования (Камчатнов, 2022; Мейе, 2001; Sławski, 1974).

В качестве материалов для исследования послужили справочники по описательной грамматике современного русского языка, а также словарные источники, в том числе неографические (Русская грамматика, 1980; Лопатин, Улукханов, 2016; Ефремова, 2000; Кузнецов, 2000; Новое в русской лексике... и др.). Кроме того, выборка новейших производных с формантом *-ак* и анализ их функционирования в контекстуальном окружении осуществлялись на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и открытых интернет-ресурсов.

Практическая значимость работы состоит в том, что собранные в ходе исследования данные и полученные в результате их анализа выводы могут использоваться в практике преподавания словообразования и исторической грамматики славянских языков.

Обсуждение и результаты

Согласно этимологическим данным (Мейе, 2001, с. 289-293; Sławski, 1974, S. 89-97; Shields, 1998, p. 46-47; Камчатнов, 2022, с. 133-135), суффикс *-ак* восходит к сочетанию тематического основообразующего гласного **-ā-* / **-jā-* и праиндоевропейской дейктической частицы **-k-* с абстрактным значением указания на неопределенное место или направление, на непосредственную связь семантики производящего с производным. Эта исконная дейктическая частица участвовала прежде всего в образовании приаффиктивных формантов в различных индоевропейских языках, например, др.-греч. *-άκος* (*μαλιακός* ‘безумный’, ср. рус. *маньяк*), лат. *-āx* и позднейшее *-ācus* (*edāx* ‘прожорливый’) и т. д., что свидетельствует о древнейшем генезисе рассматриваемого аффикса.

Праславянский суффикс **-akъ* возник в результате регулярного переразложения древних основ (**ryb-ā-k-ō-s* → **ryb-akъ* ‘рыбак’) и позднее вышел за пределы деривации исключительно от имен исконного склонения на **-ā-*: в частности, когда производящая основа заканчивалась на **-ī-*, ее вторичная мягкость сохранялась, что способствовало возникновению палатализованного морфа **-jakъ*. На почве праславянского языка новообразованный формант постепенно расширял свой словообразовательный потенциал, участвуя в образовании отаффиктивных существительных (**novъ* ‘новый’ → **nov-akъ* ‘кто-то новый, новичок’), местоимений (**svojъ* ‘свой’ → **svoj-akъ* ‘свояк’) и числительных (**edinъ* ‘один’ → **edin-akъ* ‘одиночка; единственный сын’), а также в образовании наименований лица от субстантивных основ (**rodъ* ‘род, племя’ → **rod-akъ* ‘член рода; соплеменник’) и позднее существительных *nomina agentis* и *nomina instrumenti* от вербальных основ (**xoditi* ‘ходить’ → **xod-akъ* ‘ходок’; **čьrpati* ‘черпать’ → **čьrп-akъ* ‘черпак’).

Несмотря на то что исследователи говорят о «высокой степени сохранности праславянских суффиксов в современном русском языке» (Иванова, 2015, с. 35) и о регулярном использовании исконных праславянских деривационных моделей в подавляющем большинстве славянских языков, степень их продуктивности на разных исторических этапах может различаться. Так, в русском языке XI-XVII вв. рассматриваемый аффикс «не отличался большей продуктивностью, а разговорные имена на *-ак* вытеснялись нейтральными синонимами

прежде всего с суффиксом *-ник*» (Каминьска, 2009, с. 56). В этот период в русском языке формант *-ак*, наследуя праславянскую деривационную парадигму, участвовал в образовании онимов «главным образом от основ прилагательных (и порядковых числительных) и <...> от основ существительных»: *Вешняк, Грибак, Рудак, Третьяк* (Толкачев, 1977, с. 103) и т. п.

Позднее, в XVIII столетии, *-ак* становится особенно продуктивным в русском литературном языке (Bartoszewicz, 1972, с. 95), что также подтверждают данные Национального корпуса русского языка, в котором первые примеры фиксации форманта относятся к концу XVII – началу XVIII века. В этот период суффикс функционирует в составе разнообразных существительных типа *косяк, рыбац, зрак* ‘взор, взгляд’, *шишак, дурак, поляк* (1682-1722 гг.) и пр. (НКРЯ) и позднее демонстрирует стабильную активность при образовании имен нарицательных вплоть до настоящего времени.

Анализ примеров относящихся к данной эпохе производных показывает, что суффикс *-ак* выполнял в них исключительно номинативную функцию, не содержа в себе никаких эмоционально-оценочных смыслов. Совершенно естественным в этой связи представляется описание «Русской грамматикой» основного значения суффикса как «предметно-характеризующего» (Русская грамматика, 1980, с. 254), именующего одушевленные или неодушевленные предметы по характерным для них признакам. При отвербальной мотивации в основе словообразовательного значения лежал процессуальный признак (*резать* → *резак*), при адъективной – признаковый (*добрый* → *добряк*), при отсубстантивной – предметный (*рыба* → *рыбак*) и т. п.

Здесь же отмечалось, что «предметно-характеризующая словообразовательная семантика в различных словообразовательных типах реализуется по-разному, конкретизируется в определенных пределах» (Русская грамматика, 1980, с. 254). Этот вывод полностью подтверждается анализом производных, включенных в «Обратный русский словарь» (ОРС). Согласно представленным в нем данным, в современном русском языке функционирует более 300 дериватов с формантом *-ак* (*-як*), выполняющим в большинстве из них исключительно номинативную функцию. Словообразовательная семантика производных существительных с данным аффиксом, отраженная в современных лексикографических источниках (Лопатин, Улуханов, 2016, с. 251-256; Ефремова, 2000), чрезвычайно разнообразна и может быть систематизирована на основе участия суффикса в номинации следующих групп предметов или явлений (типологизируемые группы представлены ниже в порядке убывания продуктивности форманта):

- названия предметов и явлений, мотивированных семантикой признака, действия или отношения к предмету, явлению или материалу, образованные от существительных (*ветряк*), прилагательных (*кружляк*), числительных (*четвертак*) и глаголов (*резак*);
- названия лиц мужского пола – носителей признака, мотивированных прилагательным, обозначающим его внешние качества (*толстяк*), характер (*пошляк*), родство (*свояк*), социальное положение (*бедняк*) и т. д., а также наименования животных по характерному признаку (*беляк*);
- названия лиц мужского пола, характеризующихся действием, мотивированным глаголом (*вожак, остряк*);
- названия лиц мужского пола – носителей признака, связанных с производящим на основании выполняемой профессиональной функции (*моряк*) или связанных с названием государства (*поляк*), местности (*земляк*), города (*пермяк*) и т. п., жителем которых является данное лицо;
- разговорно-просторечные или стилистически нейтральные синонимы мотивирующих существительных (*червяк, видак*);
- названия лиц мужского пола, образованные посредством обратной деривации от феминитивов (*дурак, гусак*).

Как можно видеть из данного перечня, функция стилистического снижения относится к одной из наименее частотных, свойственных специфическим словообразовательным моделям, реализуемым в просторечной речи. Об этом свидетельствуют в том числе и соответствующие пометы о непродуктивности, приводимые в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова (2016, с. 251-256). Анализ словообразовательной семантики новых производных, фиксируемых в различных лексикографических источниках с начала 90-х годов XX в., демонстрирует радикальные изменения в векторе деривационной нагрузки форманта, практически исчерпавшего свой номинативный потенциал в пользу прагматической маркированности именуемых реалий.

С начала этого периода можно зафиксировать резкий рост активности аффикса именно в образовании дериватов от существительных, прилагательных и атрибутивных сочетаний с целью стилистического снижения слова, создания его коллоквиального эквивалента. Так, в учебном пособии Т. М. Шкапенко и Ф. Хюбнера «Русский “тусовочный” как иностранный» (2003, с. 128) обращается внимание на словообразовательный бум разговорных эквивалентов мотивирующих существительных, возникающих преимущественно в молодежном сленге, а затем входящих в общие разговорные практики, например, *тусняк* (← *тусовка*), *депрессняк* (← *депрессия*), *дешевняк* (← *дешевка*), *походняк* (← *походка*), *обломняк* (← *облом*), *фильмак* (← *фильм*) и другие.

Некоторые из подобных дериватов выполняют исключительно функцию коллоквиализации, другие получают дополнительно оттенок пренебрежительного значения. Прежде всего это свойственно отдельным видам профессионального жаргона, к примеру, речи сотрудников органов внутренних дел (*мокряк, трупак, висяк, вышак* и т. п.) или медицинских работников (*сыпняк, трипак, спидак* и т. п.). По всей видимости, такие производные позволяют в определенной мере смягчить восприятие тяжелых или пугающих аспектов профессиональной деятельности, таких как смерть, болезнь или суровые наказания, создавая эмоциональную дистанцию между говорящим и номинируемыми реалиями посредством перехода от официального регистра к разговорно-сниженному, например: «Дежурный оперативник не отвечает. Может, на очередной трупак выехал. У нас тут дела серьезные!» (Корецкий Д.

Менты не ангелы, но..., 2011 (НКРЯ)); «*Но так уж было решено свыше: списать на него все милицейские висяки*» (Улицкая Л. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // Новый Мир. 2000 (НКРЯ)).

Некоторые из приведенных выше примеров могут быть интерпретированы как универбы, например: *мокрjak* ← *мокрое дело*; *вышjak* ← *вышшая мера наказания, важняк* ← *следователь по особо важным делам* и др. Процесс универбации, под которым понимается «разновидность аффиксации, когда образование слова происходит на базе словосочетания <...> однако в качестве непосредственной производящей основы используется только основа одного слова <...>, которая осложняется определенным аффиксом <...>». Значение другого слова <...> включается в значение производного слова, семантика которого равна семантике целого производящего словосочетания <...> образование производного слова происходит путем эллипсиса (опущения) стержневого слова сочетания <...> и включения его значения в семантику производного» (Балалыкина, Николаев, 1985, с. 129–130), характерен именно для разговорных практик. Стремление к экономии речевых усилий обуславливает возникновение многочисленных универбов с суффиксом *-ак*, которые «маркируют речь представителей различных социальных групп (прежде всего молодежи) <...> придают тону речи грубость и некоторую вульгарность» (Рацибурская, Петрова, 2004, с. 82). Например, *медляк* (← *медленный танец*), *безвыходняк* (← *безвыходная ситуация*), *студак* (← *студенческий билет*), *неуставняк* (← *неуставные отношения*), *абстjak* (← *абстинентный синдром*), *трезвяк/трезвjak* (← *трезвое состояние*), *левак/правак* (← *приверженец левых/правых взглядов*), *блатняк* (← *блатная музыка*) и т. п.

Характерная для 90-х гг. XX века демократизация и жаргонизация языка приводят к вхождению производных с суффиксом *-ак* из уголовного или блатного жаргона в общий речевой обиход. Этому в определенной степени способствовала и криминализация внешней среды, характерная для так называемых «лихих 90-х». Такие слова, как *общак* («тайная общая касса как страховой, резервный фонд воровского сообщества» (Ефремова, 2000)) или *сходняк* («собрание группы преступников» (Викисловарь. <https://ru.m.wiktionary.org/>)) активным образом употребляются в публицистических текстах, в российских сериалах, повествующих о «ментовских войнах» на «улицах разбитых фонарей», на интернет-форумах и т. п. Например: «*Я с друзьями сидел в небольшом заведении в "Европейском" и отслеживал через "Твиттер" перемещения групп кавказцев, собиравшихся на сходняк, и наших, принявших*» (Крылов К. О белом диване // Русская жизнь. 2012 (НКРЯ)); «*Мы заварим на общак наш любимый доширак*» (Ответы Mail..., 2020); «*Читинский общак не поделили в Москве. Раскрыто совершённое в ходе бандитских разборок убийство 1997 года*» (Коммерсантъ, 2021). Если *общак* можно интерпретировать как универб от сочетания *общие деньги*, то *сходняк* может быть описан и как стилистически сниженный эквивалент существительного *сходка*, и как производное на основе использования процессуального признака *сходиться*, однако при любой интерпретации *-ак* выполняет здесь функцию маркера принадлежности слова к уголовному жаргону.

Особого внимания заслуживает метафорическое производное *косяк*, демонстрирующее функционально-семантический синкретизм, в котором функция номинации сопряжена с функцией оценки и стилевой маркированности. Примечательно, что столь популярное в разговорной речи слово, уже получившее глагольный дериват (*на)косячить* («*Что касается игры с канадцами, финский судья косячил по-“русски”, т. е. просто убивал нашу команду*» (Хоккей-2 (форум), 2005 (НКРЯ))), до сих пор осталось незамеченным неограниченными источниками. В информационно-поисковом лексикографическом ресурсе «Новое в русской лексике. Словарные материалы» существительное *косяк* фиксируется только в значении сигареты или папиросы, начиненных наркотиком.

В значении «ошибка, оплошность, неудача» (Словарь молодежного сленга), согласно данным НКРЯ, слово функционирует приблизительно с начала XXI века: «*Косяк заключался в том, что его любовница – бывшая VIP-интердевочка Василиса Прекрасная – свинтила к Ивану-Дураку. Кощей меняет профессию: резня по-древнерусски с присказкой и хеппи-эндом*» (Хулиган. 15.08.2004 (НКРЯ)). Данный дериват вряд ли может быть интерпретирован как семантическое производное от значений, реализуемых в словосочетаниях типа *косяк рыб* или *дверной косяк*, поскольку деривация всегда предполагает наличие семантической связи между производящим и производным (Земская, 2011, с. 66–69). С большой долей уверенности можно предположить, что метафорическое значение «ошибки» связано с прототипическими представлениями носителей русского языка о том, что «прямой» – это хорошо, а «кривой» или «косой» – это плохо, в чем мы усматриваем своего рода лингвокогнитивную параллель со знаменитой ориентационной метафорой Д. Лакоффа и М. Джонсона: «UP is good, DOWN is bad» (ВЕРХ – хорошо, НИЗ – плохо) (2004, с. 35–46).

Только интернет-источники фиксируют разговорное значение производного *сушняк*: «*прост. ощущение сильной жажды на следующий день после принятия алкоголя*» (Викисловарь. <https://ru.m.wiktionary.org/>). В то же время дефиницию существительного *голяк* мы обнаруживаем в «Большом толковом словаре современного русского языка»: «...о полном отсутствии чего-л. *У меня сегодня с деньгами г. В лесу полный г., грибов нет*» (Кузнецов, 2000). Первое из них может быть описано как субстантивация описательного глагольно-субстантивного сочетания *сушит в горле*, второе также мотивировано процессуальной характеристикой: *голо (пусто) в холодильнике, в кармане* и т. п. Например: «*ГОЛЯК! – констатация пустого кармана. При наличии таких идиом, как ГОЛЫЙ ИНТЕРЕС (циничный расчет и ничего более), надо отметить важное смысловое соседство, а именно переносное значение слова ЧИСТЫЙ*» (Иваницкий В. Голима // Знание – сила. 2009 (НКРЯ)). Разговорное новообразование *дубак* в значении «очень холодная погода; сильный холод» (Викисловарь. <https://ru.m.wiktionary.org/>) восходит к метафорическому процессу, отраженному в образном разговорном глаголе *задубеть* «стать жестким, твердым; закоченеть» (Кузнецов, 2000). Образ дуба, эксплуатируемый первоначально в процессуальной форме для номинации состояния организма человека, используется с целью номинации погодных условий, которые вызывают состояние околечения.

Синкретическую функцию универбации и оценки выполняет формант -як во всё более высокочастотном производном *договорняк*. Данное новообразование первоначально употреблялось с начала ХХI в. в значении «*спорт., жарг.* спортивное соревнование, участники которого заранее договорились о его результате» (Викисловарь. <https://ru.m.wiktionary.org/>), а позднее расширило свою семантику также на политическую сферу: «*полит. жарг.* негласный или закулисный договор, соглашение; в широком смысле – договор вообще» (Викисловарь. <https://ru.m.wiktionary.org/>), например: «*Как я и считал изначально, все эти протесты сворачиваются по внутри-элитному договорняку*» (Плотников Д. «Забудьте про Назарбаева.» Как операция российских военных в Казахстане изменит будущее республики и ее президента» // Lenta.ru». 2022 (НКРЯ)). Анализ способов функционирования слова в различных высказываниях недвусмысленным образом демонстрирует, что аффикс выполняет в нем не столько функцию универбации, сколько пейоративизирует значение слова, указывая на резко отрицательное отношение говорящего к установочным матчам или скрытым от глаз наблюдателей негласным договоренностям между субъектами, преследующими свои собственные, корыстные цели.

Наблюдаемая синкретичность аффикса как универба и одновременно оценочного маркера проявляется и во многих других новейших образованиях. Например, *круняк* (← *крупный (-ая) фирма/банк/бизнес: «Строительство дорог и мостов в Москве изначально было организовано для немногочисленных крупных компаний, а рекламный рынок развивался сам по себе, обрастая сотнями мелких и средних предприятий, которые и взбунтовались против сговора правительства Москвы с круняком столичной “наружки”*. Ведомости 06.03.2000» (Новое в русской лексике...)) или *бесперспективняк* (в значении «*жарг.* отсутствие перспективы, бесперспективность; нечто бесперспективное, бессмысленное. Впрочем, хватит предаваться воспоминаниям, это полностью бесполезное занятие – бесперспективняк, так сказать. Из блога, 2005 г.» (Викисловарь. <https://ru.m.wiktionary.org/>) или в значении человека, не способного подняться по социальному лифту: «*Может быть еще такой вариант, о котором Маска умалчивает, либо сама себе пока не признаётся: муж её абсолютный бесперспективняк, и нечего ему рыпаться*» (Муж хочет переехать...)).

С начала 1990-х годов активность форманта как соединяющего в себе функцию универбации и стилистически сниженной коллоквиализации переносится и на область фразеологических единиц различного типа. Например, *на крайний случай* → *на крайняк*, *поздно что либо делать* → *поздняк (метаться)*, или *Верняк!*, *Крутяк!*, *Точняк!*, *Ништяк!*, *Бесплезняк!*, *Тухляк!* и т. п., где устойчивые оценочные слова-предикаты образуются от соответствующих предикативных наречий. Например: «*Кричит кто-то!.. – капитан резко подался вперед к самому стеклу. Верняк. С этой посуды кричат, – убежденно ответил старпом*» (Бурлак В. Хранители древних тайн. 2001 (НКРЯ)); «*– Я жила там полгода в 2009. – Крутяк! А нельзя ли туда камеру поставить, Вер?*» (Форум: Крошке Ку. 2010 (НКРЯ)). Фразеологические употребления такого рода демонстрируют способность форманта использоваться в качестве эмоционального интенсификатора осуществляемой говорящим оценки.

Отдельного внимания заслуживает также выполнение суффиксом адаптивной функции. Используя заимствованные англоамериканизмы, молодежь не довольствуется их одно- или двуморфемным составом, но ассимилирует и коллоквиализирует их именно с помощью суффикса -ак. Например, *трешак* (← *треш*), *селфак* (← *селфи*), *худак* (← *худ*), *скримак* (← *скример*), *кринжак* (← *кринж*) и т. п., в которых формант не только придает слову «родное» звучание, но и выполняет роль оценочно-эмоционального интенсификатора.

В дальнейшем представляется целесообразным провести сравнительный анализ функционирования данного форманта в других славянских языках (например, в польском, чешском или украинском) с целью выявления общих тенденций прагматизации и особенностей коллоквиального словообразования. Это могло бы позволить определить, насколько универсальны процессы стилистического снижения и пейоративизации, наблюдаемые в русском языке новейшего периода. Возможно также углубление эмпирического аспекта исследования путем количественного анализа данных из расширенных корпусов (включая социальные сети и интернет-форумы), чтобы установить продуктивность различных словообразовательных моделей. Наконец, перспективным направлением может стать и выявление других исконных аффиксов, тяготеющих к смене номинативных функций на прагматическое коллоквиальное маркирование.

Заключение

Выполненный нами анализ функционально-семантического потенциала форманта -ак в синхронно-диахронной перспективе продемонстрировал, что вектор его деривационного развития сместился в современном русском языке в направлении прагматизации значения производного слова. Наблюдаемый до конца 1980-х гг. обширный номинативный потенциал оказался практически полностью исчерпанным, уступив место новым функциям. К ним относятся, во-первых, переход суффикса исключительно в зону разговорного словообразования, в том числе окказионального, примеры которого редко фиксируются неограниченными источниками. В этой сфере аффикс может выполнять либо только функцию стилового маркера, образуя соответствующие разговорные дублеты (*походняк* ← *походка*, *депрессняк* ← *депрессия* и т. п.), либо одновременно функцию универбации и эмоционально-оценочной интенсификации (*неуставняк* ← *неуставные отношения*, *договорняк* ← *договорной матч* и т. п.). Универбация может происходить не только от традиционных атрибутивных сочетаний (прилагательное + существительное), но и от процессуальных глагольно- и наречно-субстантивных образований (*сушняк* ← *сушит в горле*, *голяк* ← *голо в кармане* и т. п.). Прагматическая активизация аффикса наблюдается в рамках разговорных фразеологических единиц, а также в ассимилятивных

формах, используемых в молодежном сленге в процессе приспособления заимствованных единиц к принципам русской морфологической системы. При этом во всех эмоционально окрашенных новообразованиях аффикс выполняет исключительно роль негативного оценочного маркера, чего не наблюдалось в производных предыдущих исторических эпох развития русского языка. Подобная переквалификация аффикса на обслуживание исключительно разговорных прагматических функций с явной пейоративной направленностью может быть объяснена тем влиянием, которое в свое время оказало вхождение в лексику общего употребления жаргонных образований, характерных для уголовного или профессионального юридического жаргона, что одновременно представляет собой одно из свидетельств «языкового вкуса эпохи».

Перспективы дальнейшего исследования деривационного потенциала суффикса *-ак/-як* могут включать анализ его взаимодействия с заимствованными аффиксами в условиях усиления глобализации, что позволит выявить новые модели суффиксального словообразования в более широкой перспективе. Отдельным направлением может также стать исследование когнитивно-семантических механизмов, лежащих в основе пейоративизации форманта, включая анализ устойчивых оценочных оппозиций и прототипических моделей, активизирующихся при образовании неодериватов. Это позволит уточнить, в какой мере современная функциональная трансформация суффикса связана с общими закономерностями языковой оценки и концептуализации. Наконец, перспективы открывает междисциплинарный подход, объединяющий суффиксальное словообразование с социолингвистикой для оценки воздействия социальных факторов на эволюцию коллоквиализмов и пейоративных коннотаций в современном русском языке.

Материалы исследования | Research materials

1. Wiki - Викисловарь. <https://ru.m.wiktionary.org/>
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. <https://www.efremova.info/>
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 2000. <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
4. Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016.
5. Муж хочет переехать... // Vladmama. 2012. 16 января. <https://vladmama.ru/forum/viewtopic.php?f=103&t=176721&start=140>
6. НКРЯ - Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>
7. Новое в русской лексике. Словарные материалы. <https://neolex.iling.spb.ru/>
8. ОРС - Обратный русский словарь. <https://www.slovorod.ru/rev-zalitznyak/index.html>
9. Mail.ru - Ответы Mail – место для обмена знаниями. <https://otvet.mail.ru/>
10. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.
11. Словарь молодёжного сленга. <https://slang.su/>
12. Читинский общак не поделили в Москве // Коммерсантъ. 2021. 5 марта. <https://www.kommersant.ru/gallery/4720277>

Источники | References

1. Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование. Казань: Казанский государственный университет, 1985.
2. Вализода Х. С. Суффикс «ак» в исследованиях академика Абдулгани Мирзоева и его лингвистическая ценность // Словесность. 2025. № 2 (51).
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2011.
4. Иванова Д. С. О сохранности праславянских суффиксов существительных в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 5.
5. Каминьска А. О непродуктивных суффиксах наименований лиц мужского пола (на материале русского языка XVII века) // Acta Universitatis Lodzianensis, Folia Linguistica Rossica. 2009. № 5.
6. Камчатнов А. М. Введение в изучение русского исторического словообразования: учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2022.
7. Килина Л. Ф., Соколова А. А. Феминитивы с суффиксом *-их(а)* в текстах XVIII-XX вв.: корпусное исследование // Вопросы языкознания. 2022. № 1.
8. Коряковцева Е. И. О деривационном статусе новых морфем // Человек о языке – язык о человеке: сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2012.
9. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
10. Мейе А. Общеславянский язык / пер. с фр. / общ. ред. С. Б. Бернштейна. М.: Прогресс, 2001.
11. Николина Н. А., Петрова З. Ю. Эмансипация аффиксов в современной художественной речи // Русский язык в школе. 2025. Т. 86. № 3.

12. Рацибурская Л. В., Петрова Н. Е. Современная жаргонная речь на страницах газет // Русский язык в школе. 2004. № 2.
13. Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI-XV вв. // Этимология 1975 / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова, В. А. Меркуловой, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977.
14. Шкапенко Т. М., Хюбнер Ф. Русский «тусовочный» как иностранный. Калининград: Янтарный сказ, 2003.
15. Bartoszewicz A. История суффиксальной отсубстантивной деривации существительных в русском литературном языке: nomina concreta от nomina concreta. Poznań, 1972.
16. Shields K., Jr. Comments on the evolution of the Indo-European personal pronoun system // Historische Sprachforschung (Historical linguistics). 1998. Vol. 111.
17. Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974. T. 1.

Информация об авторах | Author information

RU**Шаповаленко Евгений Владимирович¹**, к. филол. н.¹ Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград**EN****Evgenii Vladimirovich Shapovalenko¹**, PhD¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad¹ EShapovalenko@kantiana.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.12.2025; опубликовано online (published online): 25.02.2026.

Ключевые слова (keywords): суффиксальное словообразование; суффикс -ак/-як; неoderиваты; универбация; коллоквиализмы; suffixal word formation; suffix -ак/-як; neoderivatives; univerbation; colloquialisms.